

Ундина — эпизод 15 из 29

Рыцарь одну лишь Ундину
Видел; Ундина ж влажные очи свои в упоенье
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихий, немой разговор начался между ними из нежных
Взглядов и вздохов. Но вдруг он был прерван каким-то
Шепотом странным: шел рядом с священником кто-то четвертый,
К ним недавно приставший. Он-то шептал. Как священник,
Был он в белом платье, лицо закрывалось каким-то
Станным, широким покровом, которого складки, как волны,
Падали с плеч и стан обвивали; и он беспрестанно
Их поправлял, закидывал на руку полы, вертелся,
Прыгал; но это ему ни идти, ни болтать не мешало.
Вот что шептал он в ту минуту, когда молодые
Вслушались в речи его: Уж давно, давно, преподобный,
В этом лесу я живу, как у вас говорится, монахом;
Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мне любо
Жить на воле в глуши и в этом белом, волнистом
Платье под тенью густою разгуливать. Часто и солнце
Чудно сверкает по складкам моим; а когда я кустами
Крадусь, бывает такой веселый шорох, что сердце
Прыгает... Вы человек замечательный, молвил священник,
Я бы желал покороче узнать вас. А ты кто, когда уж
Дело у нас пошло на расспросы? сказал незнакомец.
Патер Лаврентий, священник Мариинской пустыни. Дельно;
Я же, просто сказать, свободный лесной обыватель;
Имя мне Струй; ремесла не имею; волен как птица;
Нет у меня господина; гуляю, и все тут. Однако
Нужно мне кое-что молвить вот этой красавице. С этим
Словом он прынул к Ундине, вдруг вырос, и подле
Уха ее очутилась его голова. Но Ундина
В страхе его оттолкнула, воскликнув: Поди поскорее
Прочь; я более с вами не знаюсь. О! о! да какая ж
Замужем стала она спесивая! с нами, роднею,
Знаться не хочет! Да кто же, скажи мне, пожалуй, не я ли,
Дядя твой, Струй, малютку тебя на спине из подводной
Области на берег здешний принес? Позабыла? Оставь нас,

Именем бога тебя умоляю, сказала Ундина.
Ты мне страшен; ты сделаешь то, что и муж мой дичиться
Станет меня, как скоро увидит с такою роднёю.
Здесь я недаром; хочу проводить вас, иначе едва ли
Вам через лес удастся пройти безопасно. А этот
Патер уж знает меня; говорит он, что будто
Был я в лодке, когда он в воду упал; и, конечно,
Был я в лодке; я в эту лодку прянул волною,
Вырвал его из нее и на берег вынес, чтоб свадьбу
Можно было сыграть вам. Ундина и рыцарь при этом
Слове взглянули на патера: шел он, как будто в глубокий
Сон погруженный, не слыша того, что вблизи говорилось,
Вот и лесу конец, сказала дяде Ундина,
Помощь твоя теперь не нужна, оставь нас; простимся
С миром; исчезни. Струй рассердился; он сделал такую
Страшную харю и так глазами сверкнул, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватил меч и хотел им
В голову Струя ударить, но меч по волнам водопада
С свистом хлестнул, и в воде как будто шипящий
Хохот раздался; рыцаря обдало пеной холодной.
Патер, вдруг очнувшись, сказал: Я предвидел, что это
С нами случится, лесной водопад был так близко; и все мне
Мнилось до сих пор, что он живой человек и как будто
С нами шепчет. И, подлинно, рыцарю на ухо внятно
Вот что шептал водопад: Ты смелый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силен, могуч; я быстр и гремуч; не сердиты
Волны мои; но люби ты, как очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, как живую люблю я волну... и волшебный
Шепот, как ропот волны, разлетевшейся в брызги, умолкнул.
Кончился лес, и вышли в поле они: там имперский
Город лежал перед ними в лучах заходящего солнца.

В этом имперском городе все почитали погибшим
Нашего рыцаря, все сожалели о нем, а Бертальда
Боле других; она себя признавала причиной
Смерти его, и совесть терзала ей сердце, и милый
Рыцарев образ глубоко в него впечатлен был печалью.
Вдруг он явился живой и женатый, а с ним и свидетель
Брака его, отец Лаврентий; весь город неожиданным

Чудом таким приведен был в волнение; прелесть Ундины
Всех поразила, и слух прошел, что в лесу из-под власти
Злого волшебника рыцарь избавил ее, что породы
Знатной она. Но на все вопросы людей любопытных
Рыцарь отвечивал глухо; патер же был на рассказы
Скуп, да и скоро в свой монастырь возвратился он; словом,
Мало-помалу толки утихли; одной лишь Бертальде
Было грустно: скорбя о погибшем, она поневоле
Сердцем привыкла к нему и его своим называла.
Скоро, однако, она одолела себя; от природы
Было в ней доброе сердце, но чувство глубокое долго
В нем не могло сохраняться, и здесь легкомыслие было
Верным лекарством. Ундины ласкала она, а Ундине,
Простосердечной, доброй Ундине, боле и боле
Нравилась милая, полная прелести сверстница. Часто
Ей говорила она: Мы, верно, с тобою, Бертальда,
Как-нибудь были прежде знакомы, иль чудное что-то
Есть между нами; нельзя же, чтоб кто без причины, без сильной,
Тайной причины, мог так кому полюбиться, как ты мне
Вдруг полюбилась с первого взгляда. И в сердце Бертальды
Что-то подобное было, хотя его и смущала
Зависть порою.